

УДК 7.01; 7.025  
ББК 85.101  
DOI: 10.51678/2073-316X-2024-3-88-103

Екатерина Ларина

## Алоиз Ригль и научная консервация памятников: от практики к теории

В статье рассматриваются предпосылки формирования представлений Алоиза Ригля о памятнике и его ценностях, которые были изложены им в работе «Современный культ памятников: его сущность и возникновение» (1903), созданной в рамках реорганизации законодательства в деле охраны культурного наследия в Австро-Венгрии. Делегированная ему задача заключалась в составлении преамбулы к разрабатываемому закону, в которой определялось бы само понятие и критерии «памятника», нуждающегося в сохранении. Для Ригля поручение стало возможностью продолжить исследования в области искусствознания, начатые в годы работы в Австрийском музее искусства и промышленности. Также в настоящей статье через обращение к материалам периодического издания Императорской Центральной комиссии Ригль предстает как незаурядный практик в данной сфере.

Ключевые слова:

Алоиз Ригль,  
«Современный культ памятников»,  
культурное наследие, охрана памятников,  
реставрация и консервация.

Выдающегося австрийского искусствоведа Алоиза Ригля (ил. 1) называют основателем актуального подхода к сохранению культурного наследия, закрепленного в основных международных нормативных актах второй половины XX века<sup>1</sup>. В классической работе «Современный культ памятников: его сущность и возникновение» [25]<sup>2</sup> им была предложена первая систематически изложенная теория, определяющая реставрационное и более предпочтительное консервационное вмешательство на основе приоритета различных ценностей. Его ближайший соратник Макс Дворжак писал: «Чтобы понять вклад Ригля <...> необходимо принять во внимание весь труд его жизни, потому что <...> как исследователь, он посвятил себя изучению теоретических вопросов и практических задач, вытекающих из культурной ситуации нашего времени по отношению к старым памятникам <...> Даже если бы это был единственный поступок в его жизни, он должен был бы быть причислен к ведущим умам своей эпохи» [4, S. 255].

Концепция «памятника» складывалась у Ригля под воздействием множества разнонаправленных факторов, определить точную степень влияния каждого из которых на сегодняшний день, ввиду отсутствия прямых ссылок на какие-либо известные источники о процессе ее написания, не предоставляется возможным. В этой связи становится важным пристальнее рассмотреть практическую деятельность ученого в государственных учреждениях и предпринять попытку через анализ опубликованных в эти годы текстов вывести истоки формирования его уникального восприятия памятников.

- 1 Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия, 1964), Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972), Европейская хартия об охране архитектурного наследия (1975).
- 2 Перевод текста на русский язык, подготовленный Г. Гимельштейном, был опубликован в издательстве V-A-C Press в 2018 году. См.: [1].



1. Неизвестный фотограф  
Алоиз Ригль. Начало XX в.  
Архив Венского университета



2. Титульный лист книги Алоиза Ригля «Народное искусство, домашний труд и кустарная промышленность» (1894) [26]

Взаимодействие Алоиза Ригля с памятниками на практике началось в период его работы в Австрийском музее искусства и промышленности, где с 1884 по 1897 год он прошел путь от помощника куратора собрания тканей до руководителя отдела<sup>3</sup>. В обязанности Ригля входило: хранение и комплектование фонда, организация участия музея в местных и международных выставках, посещение региональных профильных учреждений.

В качестве музейного сотрудника он активно совершал поездки с целью сбора образцов текстиля у местных ремесленников. Так, например, подробно описана одна из его исследовательских поездок в октябре 1891 года в Галицию и Буковину с целью оценки состояния сельских ремесел<sup>4</sup>. В ходе них Ригль опрашивал местное население по специаль-

3 Данные о точном временном промежутке, проведенном Риглем на службе в музее, разнятся. Наиболее убедительную версию, основанную на архивных источниках, предлагает Д. Рейнолдс Кордильоне, автор единственной на сегодняшний день институциональной биографии ученого. См.: [20, pp. 15–16].

4 Архивные данные приведены Д. Рейнолдс Кордильоне. См.: [20, p. 124].

но разработанной анкете, содержавшей такие вопросы, как: «Есть ли у вас дома килим? Есть ли в вашей церкви особый килим? Вы знаете кого-нибудь, у кого есть несколько старинных килимов?». Для теоретика искусства музейная коллекция «была аналогична лаборатории химика и полю, лесу или пруду биолога» [20, p. 9], ее материалы во многом послужили источником формирования аргументированного взгляда на актуальные проблемы науки.

С 1885 по 1897 год Ригль опубликовал более 30 статей, в основном посвященных предметам из коллекций и обзорам текстильных выставок в Австрийском музее (1886, 1889, 1890), в Богемии (1887), Риме (1887), Флоренции (1890) [3, S. 35–39].

В публикации «Народное искусство, домашний труд и кустарная промышленность» (ил. 2) [26], подготовленной в последние годы работы в музее как некоторый итог данного этапа своей профессиональной деятельности, Ригль призывал к скрупулезному сбору и документированию ремесленных произведений для будущих поколений. Обретению памятников должно было способствовать благочестие как моральная категория:

*Мы наделили народное искусство удивительным качеством направлять наше современное и будущее художественное производство в новые плодотворные начинания, однако австрийские учреждения, включая музей, не предприняли ничего систематического, чтобы зафиксировать и сохранить его проявления для грядущего <...> Инициатива не должна преследовать никаких других целей, кроме как служить актом благочестия по отношению к прошлому наших народов и быть подарком международной науке [26, S. 72–74].*

Декоративно-прикладное искусство, по мнению автора, обладало огромным неиспользованным потенциалом для развития истории искусства как научной дисциплины.

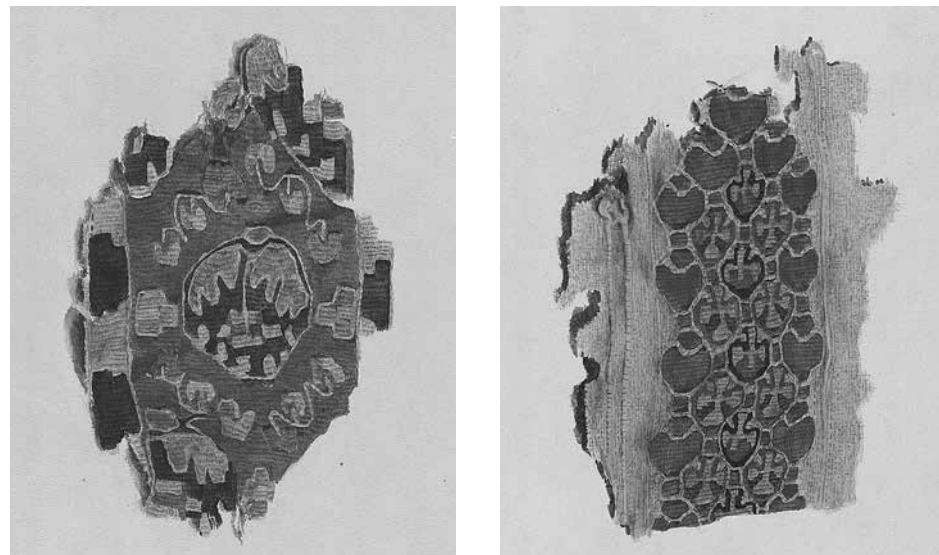
«Памятники благочестия» могли внести ощутимый вклад в благополучие настоящего. Ригль описывает это как «создание ценностей привязанности, благоговения и уважения» [26, S. 78]. Ценность народного искусства заключалась в его способности вызывать глубокие чувства, сродни религиозным, тем самым побуждая общество к единению и благородным поступкам. Здесь наблюдается один из возможных ростков риглевской аксиологической системы, которая получит развитие

несколько лет спустя в «Современном культе памятников», а также продолжается ницшеанская мысль о пессимистичном восприятии будущего современной культуры без подобного рода ориентиров.

Назначение Алоиза Ригля в штат Императорско-королевской Центральной комиссии по исследованию и сохранению памятников искусства и истории предопределило его вклад в дискуссию о реставрации одного из символов Вены — собора Св. Стефана. Начало острой полемики в 1882 году положило предложение архитектора Фридриха фон Шмидта реконструировать западный портал собора, удалив позднюю готическую пристройку и возвратив ему первоначальный внешний вид в романском стиле. Замысел особенно критиковался представителями искусствоведческой среды: например, Мориц Таузинг сравнил реставрацию с «изнурительным вредителем — бактерией, уничтожающей виноградники» [30]. Ряд священнослужителей тоже выступил против, поскольку «готический был истинно католическим стилем» [29, S. 3]. Возможно, в совокупности, это оказало влияние на то, что Центральная комиссия не одобрила проект и не выделила необходимые финансы для его осуществления.

Возрождение интереса к идее реконструкции портала произошло на рубеже веков. «Расчистку» памятника от поздних дополнений поддержали представители церкви, архитекторы и на сей раз сама комиссия. В числе оппонентов помимо искусствоведов выступили историки и художники Сецессиона [5, p. 135]. Их публичное обращение содержало многочисленные цитаты из недавно переведенной на немецкий язык работы «Семь светочей архитектуры» Джона Рёскина [28], иллюстрирующие важность обеспечения коллективной памяти путем сохранения «следов времени».

Снижению накала способствовало эссе Ригля «О вратах собора Св. Стефана» [22], ставшее для него первым опытом публикации текста, посвященного практической проблеме сохранения конкретного памятника. В нем он придерживается дипломатического подхода, утверждая, что обе позиции в равной степени претендуют на истину. Сторонники плана фон Шмидта выбрали решение, которое очевидно является визуально привлекательным для современников, в то время как другая сторона относилась упомянутые наслоения к важнейшим материальным свидетельствам бытования объекта. Две точки зрения были непримиримыми: готические дополнения скрывали эстетическую ценность романского портала, но реставрация лишила бы портал качества, ко-



3–4. Илзе Лукс. Образцы тканей из погребения в Саккаре. 1883  
Бумага, акварель. 49,9 × 32,3  
Музей прикладного искусства, Вена

торое делает его исключительно ценным. Ригль находит консенсус в формулировании «наименее разрушительного» курса для самого памятника, предлагая оставить все как есть.

Метод ученого заключался в поиске максимально возможного компромисса в условиях абстрагирования от неотъемлемой способности памятников «удовлетворять каталог современных ценностей» [2, p. 9], часто противоречащих друг другу, но одинаково справедливых для общественного интереса. В данной работе Ригль впервые упоминает о существовании эффекта настроения (*Stimmungswirkung*) и ценности настроения (*Stimmungswert*), стимулирующих сохранение памятников. Ситуация, сложившаяся вокруг вопроса о реставрации портала, знаменовала собой переход от радикальной реставрации старой школы к современному методу, основанному прежде всего на консервации.

Итак, согласно небольшой заметке в очередном номере «Сообщений Императорской Центральной комиссии по исследованию



Fig. 4 Durchbrochenes Bronzebeschläg.  
Römisch, II.–III. Jh. n. Chr. Wien, Museum Vindobonense.

5. *Бронзовая фурнитура*. Рим, II–III вв. н.э.  
Ил. из статьи: Riegl A. Römische durchbrochene Bronzebeschläg [8, S. 310–311]



Fig. 7 Schmuckstück  
im k. k. Osterreichischen Museum

6. *Ювелирное украшение*  
из коллекции Австрийского музея  
искусства и промышленности  
Ил. из статьи: Riegl A. Funde aus der  
Völkerwanderungszeit in der Bukowina  
[10, S. 407–408]

и сохранению памятников искусства и истории», профессор Венского университета Алоиз Ригль был принят в это учреждение 10 января 1902 года на должность редактора вместе с другим известным австрийским историком, специалистом в сфере нумизматики Вильгельмом Кубичеком [6, S. 5].

Первой его опубликованной статьёй для комиссии в том же году стал «Отчет о настенных росписях церкви в Лорхе (Верхняя Австрия)» [7, S. 253–254; 256–258], в котором Ригль сообщал об открытых в ходе реставрации фресках XIV века. В церкви давно не проводились регулярные богослужения, несколькими годами ранее алтари были демонтированы по причине ветхости, а три алтарных образа проданы в частную собственность анонимному покупателю в город Энс. Центральная комиссия приняла решение не проводить реставрации фресок, ограничившись их раскрытием и некоторыми мерами по укреплению (пропиткой).

Следующая короткая колонка Ригля знакомила читателей с археологической находкой на территории бывшего древнеримского военного лагеря, поступившей на хранение в венский Музей естествознания, которая представляла собой бронзовую фибулу в форме диска, «стилистически близкую к готическим орнаментам» [8, S. 310–311]. В ней

ученый, называя предмет «памятником», отсылал к изданной годом ранее «Позднеримской художественной индустрии» [24], уместно объединяя сферы своих научных интересов. Рубрика, посвященная одному археологическому памятнику (или определенной группе) из разных собраний империи, в его исполнении стала постоянной<sup>5</sup>.

В тандеме с другими членами комиссии в 1902 году Алоиз Ригль продолжил изучать состояние настенных росписей архитектурных памятников Австро-Венгрии. Вместе с Гансом Земпером в тирольском Шваце он обследовал фасады средневекового особняка Фуггерхаус и постановил, что изображению мученической смерти святого апостола Варфоломея требуются немедленные поддерживающие меры:

*Сама поверхность стен, на которой выполнены росписи, сильно выветрена и повреждена, ее нужно реставрировать, в результате чего оригиналы будут утрачены. Вследствие этого следует сделать фотофиксацию того, что еще существует, и как можно дольше защищать сохранившиеся фрагменты от окончательной гибели с помощью соответствующих мер предосторожности, но воздержаться от всякой реставрации и обновления [9, S. 350–351].*

В компании профессора Венского технологического университета Йозефа Нойвирта Ригль рассматривал вопрос о реставрации потолочных росписей нефа в церкви Св. Иоганна в Цвёльфмальгрейне, предложив рекомендации, состоящие в очистке их от загрязнений [9, S. 352].

В выпусках 1903 года Ригль помимо редактора числится уже членом-корреспондентом Академии наук, членом II секции Центральной комиссии по объектам архитектуры церковного и светского направлений, скульптуры и живописи, изобразительного искусства Средневековья и Нового времени до середины XIX века, членом редакционного комитета и комитетов по составлению художественной топографии и реставрации живописи [11, S. IV–V].

На собрании 13 января по итогам первого года работы в комиссии он представил обстоятельный доклад «К вопросу о реставрации настенной живописи» [27]. Данная речь была произнесена в кульминационный момент споров по поводу этно-националистических смыслов,

5 См., например: [10, S. 407–408; 12, S. 120–123].

присутствующих в памятниках как отражение имперских амбиций, порожденных общим духом «политической реставрации» [31, p. 251]. В контексте риглевского теоретического наследия работа находилась на стыке главных на тот момент разрабатываемых им тем — взаимодействия произведения искусства со зрителем и аксиологией памятников.

Опираясь на материал настенных росписей, Ригль выделил три группы современных реципиентов по их отношению к памятникам [27, S. 14]. В первую входили «радикалы» — художники и обыватели, интересующиеся искусством, чье отношение к произведениям замыкалось на удовольствии от созерцания. Приоритетной для них являлась эстетическая ценность, а к реставрации отношение было отрицательным, поскольку она стирала так называемые следы времени и производимое ими впечатление. Вторую группу составляли «традиционалисты», движимые патриотическими или религиозными идеями, подчеркивавшие ценность старины как таковой и выступавшие за любые реставрационные вмешательства для достижения целостного визуального образа. Третьими были «искусствоведы», которые уделяли внимание исторической ценности памятников. Они и хотели бы восстановить первоначальное состояние, но отвергали любые изменения как искажение подлинности.

Ригль предлагал утопию в виде изготовления копий памятников, на которых можно было бы воссоздать их желаемый или первоначальный вид, не затрагивая непосредственно сам оригинал. Такая практика позволила бы сохранить основу для исследования в области искусствоведения и извлечь эстетическую ценность, важную «радикалам» и «традиционалистам». В качестве другого способа решения конфликта интересов он высказывает мысль о том, что степень реставрационного дополнения должна зависеть от того, для каких целей используется объект. Наиболее компромиссным пересечением интенций трех групп было удаление загрязнений. При необходимости более инвазивных вмешательств в памятник, Ригль советовал следовать практически проигнорированному XIX веком правилу: «Задача реставрационного дополнения требует не свободного художественного творчества, а самоотречения, рационального, адаптируемого и научного подхода к копированию старых художественных творений» [27, S. 28].

Дальнейшими сообщениями на страницах издания Центральной комиссии Ригль продолжал подтверждать свой выбор в пользу консервационных мероприятий: он настаивал на графической фикса-

ции и экспонировании неотреставрированных сцен Страшного суда на северной стене капеллы Св. Анны в приходской церкви Рида [12, S. 104]; убеждал представителей ассоциации благоустройства города Фризаха в Каринтии закрепить потрескавшиеся от неосторожной установки лестницы настенные росписи в башне на горе Св. Петра и установить ограждения, отделяющие их от контакта с публикой [13, S. 152]; выступал за сохранение настенных росписей начала XVI века кладбищенской церкви в Вольтшахе, которые «хоть и имеют грубый крестьянский характер, но на сегодняшний день являются единственными сохранившимися в районе, безусловно имеют важную местную историческую ценность» [13, S. 153].

Тем не менее, если сохранность памятника не оставляла варианта обойтись деликатными методами, риглевская экспертиза содержала однозначное показание к реставрации с использованием контрастирующих материалов, чтобы привнесенные дополнения отличались от изначального вида памятника. Так получилось, например, в случае с сграффито на здании окружного суда в Юнгбунцлау, «сохранение которых было бы желательным, но согласно техническим заключениям, если бы была проведена только лишь очистка и фиксация, то жизнь памятника не продлилась более чем на одну человеческую» [14, S. 343].

В плодотворном 1903 году Ригль также посетил средневековый замок Сабонара в Авио и составил подробный отчет, в котором говорится о необходимости после проведенной консервации как можно скорее передать здание из частной собственности в государственную, сделав доступным для общественности, поскольку это «стало бы единственным способом сохранить памятник, имеющий большое значение с точки зрения истории искусства и культуры, и вернуть ему былую славу» [13, S. 161–162].

21 октября 1903 года датируется доклад историка искусства об исследовании средневековых и современных памятников на территории бывшего дворца Диоклетиана в Сплите (Хорватия), проведенном по поручению Президиума Императорско-королевской Центральной комиссии [21]. История бытования архитектурного ансамбля была чрезвычайно насыщенной: римский император жил во дворце после своего отречения, позже на обширную территорию в пределах его стен стали переселяться местные жители, что в итоге привело к разрастанию вокруг городской застройки и многочисленным изменениям. Постепенно мавзолей Диоклетиана был перестроен в кафедральный собор,

а дворцовые подвалы приспособлены под торговые склады. В начале XIX века хаотичное строительство и снос все так же продолжались, но во второй его половине призывы обеспокоенной судьбой памятника общественности к административному контролю, проведению надлежащего археологического исследования и выделению субсидий усилились.

В октябре 1904 года была создана постоянная «Комиссия по сохранению, уходу и исследованию дворца Диоклетиана в Сплите», подчинявшаяся непосредственно министерству. Ригль успел принять участие только в двух заседаниях [17, S. 301–302; 18, S. 403, 409–410], но опубликованный им текст определил государственный подход к сохранению дворца в Сплите на следующее десятилетие. В нем дипломатично признавался приоритет остатков античности, но твердо отстаивалось право на существование поздних включений в ансамбль, которые вместе существовали как «единый исторический организм». Открытие доступа к античным частям путем сноса пристроек вело бы к разрушению неотъемлемых элементов, формирующих его ценность как памятника. Однако некоторое из имеющегося, обладающего малой исторической и художественной ценностью, Ригль все же рекомендовал убрать, видимо, для соблюдения баланса интересов, поскольку хорошо известно, что население Сплита в лице мэра города и районного комиссара хотело, чтобы все здания, окружавшие кафедральный собор, были снесены для создания вокруг него просторной площади и привнесения в плотную застройку городского квартала больше света и воздуха [21, S. 336]. Наименее значимой и допустимой к демонтажу в первую очередь Ригль посчитал группу зданий, состоявшую из четырех казарм, оговорив, что «после проведения археологических исследований необходимо будет заполнить образовавшуюся пустоту временными рыночными прилавками» [21, S. 339]. Сносу подлежали также два здания у заднего фасада баптистерия, поскольку «обнажение прекрасного карниза римского храма компенсирует любую потерю» [21, S. 340]. Барочный епископский дворец, наоборот, стал объектом защиты Ригля ввиду своей значительной возрастной ценности при отсутствии выдающейся художественной [21, S. 337].

Единство архитектурного ансамбля в многообразии сложившихся эпох стало основой заключения Ригля, дистанцировавшегося от приоритета открытия древности и восприятия остального только как препятствующего этому. Для него взаимосвязь кафедрального собора

с окружающими его зданиями была столь же важной, как и ценность возраста с производимым ею эффектом. Не случайно в заключение звучит призыв о необходимости создания закона, гарантирующего защиту целостности памятника.

В 1904 году список должностей Алоиза Ригля в Императорско-королевской Центральной комиссии по исследованию и сохранению памятников искусства и истории снова увеличивается: он назначен генеральным консерватором II секции, членом недавно учрежденных специальных комитетов по вопросам строительства, скульптуре и декоративному искусству [15, S. V–VI].

Вместе с профессором Государственной гимназии Рудольфом Даннесбергером Ригль предпринял поездку в Юдикарию и другие районы Южного Тироля, где провел инспекцию памятников [16, S. 141–146]. Результатом стал опубликованный в журнале обширный список посещенных им объектов с заметками по поводу их технического состояния. Все высказанные предложения докладчиков о мерах по сохранению объектов были удовлетворены комиссией. В качестве примеров можно привести ходатайства о проведении переговоров с общиной Кампомаджоре и выдаче ей субсидии на поддержание соломенной крыши местного архитектурного памятника (*Casa rustica*) [16, S. 141]; отмене сноса церкви, составлявшей единый ансамбль с палаццо Лодроне в Каффаро, но долгое время использовавшейся как склад сена и дров [16, S. 141]; инициировании расследования обстоятельств повреждения от сырости росписей в церкви Сан Лоренцо близ Кондино [16, S. 142]; укреплении купола на колокольне церкви Св. Агаты в Корньяно [16, S. 142]; передаче алтарного образа из капеллы замка в Стенико, находившегося в пользовании военными, в музей города Тренто в целях его сохранения [16, S. 145].

По итогам командировки в Краков Ригль составил отчет о «Реставрации настенной живописи в капелле Св. Креста Вавельского собора» [23]. С опорой на все доступные формы доказательств, включавшие в себя опубликованные исторические свидетельства, анализы материалов, фотографии фрагментов, наконец, собственные заключения на месте, он пришел к выводу о том, что лучшим решением будет оставить фрески как они есть, без каких-либо изменений, поскольку древнейшие слои краски сами по себе оказались реставрацией XVI века, выполненной мастером из России, а значит, документом, источником по изучению культурных связей между разными государствами.

Информация о том, что постановлением от 14 июня 1905 года Алоизу Риглю было присвоено звание придворного советника, соседствует на страницах «Сообщений Императорско-королевской Центральной комиссии» с новостью о его скоропостижной кончине [19, S. 177–178]. Последним свидетельством неустанных усилий стала заметка о том, что министерство одобрило реставрацию настенных росписей в церкви Нидервёльц «в соответствии с программой, разработанной генеральным консерватором Риглем под руководством консерваторов Грауса и Лахера и разрешает выделение субсидии» [19, S. 193].

За время своей работы в комиссии Ригль успел проявить себя как профессионал широкого профиля. Он публиковал как искусствоведческие труды, так и формальные отчеты, ездил по многочисленным командировкам в регионы, способствовал по мере возможностей осуществлению практических мер по сохранению наследия, придерживаясь консервационного подхода и выступая против исторической реставрации.

Одновременно выкристаллизовывалось его понимание сущности памятника, начало которому положили годы, проведенные в Австрийском музее искусства и промышленности. Вероятнее всего, именно практическая деятельность, включавшая самостоятельный контакт с памятниками и возможность узреть проблемы своими глазами, в большей степени повлияла на сложение концепции, некоторые разрозненные зачатки которой можно обнаружить в публикациях до 1903 года. Окончательно сформулированное представление Алоиза Ригля о том, что есть памятник, вошло в историю охраны объектов культурного наследия и теорию истории искусства под заголовком «Современный культ памятников: его сущность и возникновение».

### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ригль А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение / Пер. с нем. Г. Гимельштейна. М.: ЦЭМ, V-A-C Press, 2018.
2. Allais L., Pop A. Mood for Modernists: An Introduction to Three Riegl Translations // Grey Room. 2020. Iss. 80 (722). Pp. 6–25.
3. Bibliographie der Schriften Alois Riegls // Riegl A. Gesammelte Aufsätze / Hrsg. K. Swoboda. Vienna: Dr. B. Filser Verlag, 1929.
4. Dvořák M. Alois Riegl // Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1905. Bd. III. Nr. 7–8. Juli–August. S. 255–276.
5. Hayes M. On the origins of Alois Riegl's conservation theory // Journal of the American Institute for Conservation. 2019. Vol. 58. Iss. 3. Pp. 132–143.
6. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1902. Bd. I. Nr. 1–3. Januar–März.
7. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1902. Bd. I. Nr. 8–9. August–September.
8. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1902. Bd. I. Nr. 10. Oktober.
9. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1902. Bd. I. Nr. 11. November.
10. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1902. Bd. I. Nr. 12. Dezember.
11. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Folge 3.
12. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Nr. 4. April.
13. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Nr. 5. Mai.
14. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Nr. 11. November.
15. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1904. Bd. III. Folge 3.
16. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1904. Bd. III. Nr. 5–6. Mai–June.

17. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1904. Bd. III. Nr. 10–11. Oktober–November.

18. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1904. Bd. III. Nr. 12. Dezember.

19. Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1905. Bd. III. Nr. 6. Juni.

20. *Reynolds Cordileone D.* Alois Riegl in Vienna, 1875–1905: An Institutional Biography. Burlington (VT): Ashgate, 2014.

21. *Riegl A.* Bericht über eine im Auftrage des Präsidiums der k. k. Zentral-Kommission zur Wahrung der Interessen der mittelalterlichen und neuzeitlichen Denkmale innerhalb des ehemaligen Diocletianischen Palastes zu Spalato durchgeführte Untersuchung // Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Nr. 11. November. S. 333–341.

22. *Riegl A.* Das Riesenthor zu St. Stephan // Neue Freie Presse. 1902. 1 February.

23. *Riegl A.* Die Restaurierung der Wandmalereien in der Heiligkreuzkapelle des Domes auf dem Wawel zu Krakau // Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1904. Bd. III. Nr. 7–9. Juli–September. S. 272–292.

24. *Riegl A.* Die spätrömische Kunst-Industrie nach den Funden in Österreich-Ungarn im Zusammenhange mit der Gesamtentwicklung der Bildenden Künste bei den Mittelmeervölkern. Wien: Druck und Verlag der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1901.

25. *Riegl A.* Moderne Denkmalkultur: Sein Wesen und seine Entstehung. K. K. Zentral-Kommission für Kunst- und historische Denkmale. Wien und Leipzig: W. Braumüller, K. U. K. Hof- und K. K. Universitäts Buchhändler, 1903.

26. *Riegl A.* Volkskunst, Hausfleiß und Hausindustrie. Berlin: Siemens, 1894.

27. *Riegl A.* Zur Frage der Restaurierung- von Wandmalereien // Mitteilungen der k. k. Zentral-Kommission für Erforschung und Erhaltung der Kunst- und historischen Denkmale. 1903. Bd. II. Nr. 1–2. Januar–Februar. S. 14–31.

28. *Ruskin J.* The Works of John Ruskin. Vol. 8: The Seven Lamps of Architecture / Ed. by E. Cook and A. Wedderburn. London: George Allen, 1903.

29. *Swoboda H.* Zur Lösung der Riesentorfrage. Wien: A. Schroll & Co., 1903.

30. *Thausing M.* Phylloxera renovatrix // Neue Freie Presse. 1882. Nr. 6343. April 25.

31. *Weinryb I.* Introduction / *Riegl A.* On the Question of the Restoration of Wall Paintings // *West 86th: A Journal of Decorative Arts, Design History, and Material Culture.* 2020. Vol. 27. No. 2. Pp. 251–257.